

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
С30

Семин, Константин.

С30 Агитпроп. Идеология победы / Константин Семин. — Москва : Алгоритм, 2015. — 208 с. — (Четвертая мировая).

ISBN 978-5-906798-93-0

В терминах «агитация» и «пропаганда» пора увидеть положительный смысл. Константин Семин – это журналист нового поколения с принципиально новым подходом к медиа, журналист-агитатор, который не стремится к взвешенному мнению, а, напротив, отстаивает свою авторскую позицию.

Эта книга о роли России в мире и об отношении мира к России. Константин Семин в своих оценках не особо подбирает выражения. Все у него продумано – он не просто освещает актуальные события, но предлагает рассматривать их в исторической ретроспективе, апеллирует к образам и цитатам времен Второй мировой, югославскому конфликту...

Говоря о России, Семин отметил: «...В Москве впервые за долгие годы первомайская демонстрация прошла на Красной площади. Это добрый знак, говорящий о том, что мы наконец перестаем биться головой об пол и каяться за прошлое, которым подобает вообще-то гордиться...»

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-906798-93-0

© К. Семин, 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

ЧЕТВЕРТАЯ МИРОВАЯ

Семина Константин

АГИТПРОП

Идеология победы

Редактор *В. О. Миронов*
Художник *Б. Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 03.09.2015.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906798-93-0

9 785906 798930 >

Часть 1

РОК-ЛОБОТОМИЯ: КАК МЫ ГРОБИЛИ СВОЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глядя на могилы на солдатских кладбищах или на «аллеях бандитской славы», или даже вглядываясь во вполне благополучные, но полные какой-то животной, скотской тоски лица моих бывших коллег по русскому року, я понимаю теперь, зачем мы им понадобились.

И. Кормильцев

Рок-музыка пришла в дом каждого советского человека не через пластинки фирмы «Мелодия», не через распространявшиеся спекулянтами кассеты и бобины, не через ксерокопии журнала Rolling Stone, не через джинсы и кожаные куртки, не через фильмы антисистемных режиссёров с фигой в кармане, не через макаревичей-гребенщиковых. Нет. Рок-музыка пришла в дом каждого советского человека через Центральное Телевидение. До тех пор подавляющему большинству советских людей было абсолютно параллельно, что там творилось в клубе одиноких сердец сержанта Пеппера. Рано утром граждане самой большой в мире страны собирались на работу, отправляли детей в садики и школы, днём работали на работе, а вечером, возвращаясь с работы, посвящали себя домашним делам, просмотру программы «Время», чтению книг, в общем, чему угодно, только не прослушиванию последнего альбома Black Sabbath. Были, конечно, и те, кто жил иной жизнью. Но, как и сегодня, такие — «продвинутые» — чаще

встречались в столицах, чем, скажем, в Новокузнецке или Красноярске. В общем, массовым интерес к рок/поп-музыке до середины, если не до конца, 80-х не был.

Всё изменилось, когда рухнули переборки цензуры и цветастый, горластый, пенистый поток до краёв наполнил советский телевизионный аквариум. В утренних передачах — между местными, международными, спортивными новостями, между аэробикой и прогнозом погоды от Поля Мориа начали крутить музыкальные клипы. Только это были не просто клипы. Это были деревянные клинья в черепную коробку советского человека.

Ранее клиповый монтаж вообще отсутствовал в нашей массовой культуре. У нас работали с большими формами и большими смыслами. Продолжительность телевизионного кадра — от 5 секунд. Некоторые выступления звёзд советской эстрады сняты одним кадром/одним планом, без монтажных склеек. Всё это отражало умиротворённость, равновесность, неторопливость советского образа мысли. Ещё момент. Цветной телевизор хотя и не считался редкостью, доступен был всё же не каждой семье — многие обходились чёрно-белыми. Причём по растровым характеристикам и по гамме какой-нибудь цветной Рекорд ВЦ-311 не сильно отличался от монохромной Юности. А следовательно, и спектрограмма мира у большинства зрителей была всё-таки довольно ровная — без перепадов и скачков.

И вот на этот неподготовленный, но отлично впитывающий холст в 1987—1991 выливаются кубометры безумных, незнакомых, провокационных красок и смыслов. Параллельно происходит ещё одна революция — технологическая. В СССР получают массовое распространение видеомагнитофоны VHS (S-VHS). До сих пор мало кто осознаёт, какую роль (наравне с рок-музыкой) видеомагнитофоны сыграли в дроблении и уничтожении советского массового сознания. По сути дела, была уничтожена монополия Центрального Телевидения на воспроизведение

контента. Это раньше любимого фильма дожидались, вычитав в газете время показа и спланировав свои дела так, чтобы не отвлекаться ни на что. С приходом «видиков» каждый превращался в «сам себе Центральное Телевидение». Между прочим, ситуация 1 к 1 напоминает приход в Россию широкополосного интернета, соцсетей, ютуба и прочих прелестей цивилизации. Поставьте тут галочку, и вернёмся к клипам.

Все помнят, чем отличается VHS-картинка? Правильно — яркими, сюрреалистичными, контрастными цветами. Ярко-зелёный, ярко-розовый, ярко-красный. Точно такими же цветами наполнены старинные клипы западных исполнителей — будь то М. Джексон, Iron Maiden или Madonna. Заговоры заговорами (ни в коем разе не утверждаю, что Мадонна специально помадила губы так, чтоб развалить СССР), но эта цветастая картина мира входила в прямое эстетическое противоречие с в общем-то монохромной нашей повседневностью. Повседневностью, будем справедливы, не советской, а исконно русской — наша часть суши ни в «Медном Всаднике», ни в «Братьях Карамазовых», ни в «Тихом Доне» никогда не могла похвастаться попугайской палитрой. И тут, после регулярного утреннего просмотра клипов западных исполнителей, у советского человека подспудно вызревает новый эстетический запрос. Некоторым хочется солнца покраснее, травы позеленее, неба поголубее. Как у них. Как на Западе то есть.

Может, там веселей и богаче,
Ярче краски и лето теплей,
Только также от боли там плачут,
Также в муках рожают детей.

Это группа «Воскресение», вероятно, предчувствуя ещё в 1981-м, какие настроения охватывают молодёжь,

пыталась образумить поколение будущих борцов с системой. Но кто слушал «Воскресение»? Все слушали «Машину Времени».

Лица стёрты, краски тусклы,
То ли люди, то ли куклы...

И вот к концу 80-х по телевизору друг за другом идут клипы, клипы, клипы. В целом процесс соответствовал горбачёвскому курсу на слив СССР и вступлению в интимные отношения с «международными партнёрами». Однако в какой-то момент уже трудно было понять — это горбачёвщина перекраивает массовое сознание, или массовое сознание заставляет горбачёвщину сливать страну ещё быстрее? К примеру, когда в 1988 в утреннем эфире на всю страну раз за разом заряжают You're in the Army Now — это связано или не связано с предстоящей в 1989 эвакуацией СА из Афганистана?

Тебе говорят — стреляй по всему, что движется,
Палец на курке, но ты понимаешь —
это всё неправильно.

Какая разница, что «Статус Кво» вроде бы обращаются к американскому солдату? Кто в Союзе (да и сегодня в России) разбирает слова иностранных песен? Шизгара! Главное, что тебя — уникальную, неповторимую личность — заставляют воевать, а ты-то хочешь жить, ты-то желаешь мира! Требуй мира! Вали из Афганистана! Вали из Германии! Семена этого статусквошного пацифизма оплодотворят сознание целого поколения русских рокеров. Один будет петь про «не стреляй», другой про «шар цвета хаки», третий про солдатскую грусть:

Так нет, найдём же, блин, куда ввести войска,
Вражьи кости нам — как снег под каблуком!
А по лесам бродят санитары,
Они нас будут подбирать.
Эгегей, сестра, лезь ко мне на нары,
И будем воевать, будем воевать.

Они не понимают, что иногда, если не стреляешь ты — стреляют в тебя. Убивают тебя. Твоих близких. Твой народ. Ластиком стирают твою культуру и историю. А ты — условный шевчук, чиграков, бутусов — подыгрываешь этому уничтожению. Не тем, что призываешь к миру. Мир — это здорово. Мы все помним «пусть всегда будет мама». Да только нельзя, как говорил Мао, добиться мира, не взяв в руки оружия. Ты же призываешь к непротивлению злу насилием. Не по-толстовски только, без «Севастопольских рассказов», не предлагая никакой оборонительной стратегии. Ты вводишь своего слушателя в состояние кроткой подопытной мыши. Любой, кто хотя бы отдалённо знаком с теорией психологической/пропагандистской войны, знает: первостепенная задача такого противоборства — феминизировать, обабить, деморализовать противника, заставить его мечтать о мире. Заставить любить своего врага. Здесь ничего не изменилось со времён Сунь Цзы. И поэтому США во время Вьетнамской войны абсолютно закономерно выжигали калёным железом своё домашнее непротивленчество. А разные джимы моррисоны и джимми хендриксы своевременно отдавали богу душу от злоупотребления пацифизмом и тяжёлыми наркотиками. В крайнем случае к ним приходил их собственный Марк Чепмен.

Впрочем, всплеск пацифизма и любви ко всему без исключения человечеству (вытеснившей советскую любовь к трудящемуся человечеству) — это лишь частный, но не единственный пример того, как в 80-е работала кофемолка массового сознания. ЦТ продолжало накачивать беззащит-

ную обывательскую подкорку разрушительными мемами и смыслами. Помните харизматичного Бобби МакФеррина, который с 1988 года напевает «Не парься, будь счастлив!». Это Don't Worry Be Happy ведь точно такой же гимн 90-х, как и какой-нибудь «Бухгалтер» Алёны Апиной. Только кто из советских граждан хотя бы раз вдумался в смысл боббиного Don't worry? Кто в 1989 мог представить, что миллионам подражающих МакФеррину советских людей придётся почувствовать себя в шкуре его лирического героя?

Тебе негде переночевать?
Кто-то занял твою кровать?
Не парься, будь счастлив!
Лэнлорд сказал, ты просрочил платёж?
За неуплату в суд пойдёшь?
Не парься, будь счастлив!

Помню, что в 90-е по телевизору без конца крутили песню Б. Спрингстина «Улицы Филадельфии» (из фильма «Филадельфия»). Клип, очевидно, воспринимался аудиторией как слепок американской жизни, в которой разноцветные дети играют в салочки, а взрослые мило машут руками друг другу и проходящему мимо рокеру. Между тем, Брюс Спрингстин в этом клипе поёт буквально о следующем:

Я был избит до полусмерти
Я не мог узнать себя
И своё отражение в окнах
Брат, неужели ты оставишь меня умирать
на улицах Филадельфии?

И куда же держит путь главный герой песни и один из самых популярных в Америке рокеров? Через трущобы Филадельфии Спрингстин идёт к мосту Бенджамина

Франклина, мосту через реку Делавер, за которым находится город Кэмден — город нищих, гангстеров и наркоманов, заброшенная корпорациями промышленная столица Восточного Побережья. Самый опасный город в США. Мог ли простой постсоветский человек догадаться, что это не Спрингстин идёт к Кэмдену, это Кэмден через телевизор пробирается в его — обывателя — привычную жизнь? Что вскоре такими же кэмденами станут города и посёлки на огромной территории от Владивостока до Калининграда?

...Некоторые читатели усомнились: разве можно приравнивать гитары и кассетные магнитофоны к таким системным факторам, как цены на нефть, продовольственный дефицит и очереди, Ош и Сумгаит, Спитак и Чернобыль? Можно. И вот почему. Всё то, что усилиями либерального консенсуса принято считать смертельным для СССР диагнозом, — это ведь, в сущности, никакой не диагноз. Перенесите его, как трафарет, с 1989-го года на 1947-й. Нужно продолжать?

СССР развалился не из-за отсутствия еды, а потому, что была проиграна война мировоззрений. А война мировоззрений была проиграна не без прямого участия импортной и домашней массовой культуры, наиболее деструктивной частью которой была и остаётся рок-музыка.

Поэтому продолжим отслеживать коррозионное влияние рока на советское/российское общественное сознание. С картинками. С примерами. С пояснениями. Откуда у автора такая дерзость? Кто дал ему право мешать с грязью Гребенщикова и записывать Цоя в агенты ЦРУ? Поверьте, автор в теме. Просто поверьте автору на слово. «Всё не так однозначно».

* * *

Одно из самых недооценённых изобретений XX века — это ударная установка, проще говоря, концертные барабаны. Неизвестный умелец, который первым догадал-

ся расположить рабочий, бочку, хэт, тарелки таким, кажется, идеальным по компоновке образом, достоин Нобелевской премии. Серьёзно. Он создал ядерное психологическое оружие. До той поры ритмический рисунок любой песни выступал лишь своеобразным фоном для мелодии. С появлением ударной установки ритм, ритм-секция стали значить в музыке больше, чем мелодия, больше, чем, собственно, музыка, больше, чем текст.

Секрет любого популярного рок/поп-произведения, в сущности, довольно прост. Это повторение. Именно повторение, навязчивое воспроизведение (тактов, куплетов, припева, музыкальных фраз) — вот то, что заставляло девушек на концерте «Битлз» биться в экстазе. Это и вправду имеет что-то общее с сексом (rock and roll). Грубое, но верное определение: рок-музыка — лучший способ трахать мозги. Этим рок-музыка принципиально отличается от джаза, парижского шансона, классической музыки. Повторное воспроизведение коротких фрагментов — самый эффективный метод погружения человека в транс, упорядочивания человеческой общности. Это справедливо для агитации и пропаганды, во все времена основанной на повторном воспроизведении смыслов. Это справедливо для массовой музыкальной культуры. Повторение — мать учения.

Ритм-секция — невидимый маятник, чьи колебательные движения настраивают человеческую массу, толпу на нужную частоту. Барабанный рисунок есть постоянный повтор: бочка, бочка, рабочий, бочка, бочка, рабочий и параллельно — хэт, хэт, хэт, хэт, хэт, хэт. Секрет же такого магического воздействия — в одномоментном звучании басового барабана и бас-гитары. У музыкантов есть для этого простое определение — «кач» (сильная доля у баса и барабанов «падают друг в друга»). Хорошая ритм-секция (сыграные басист и барабанщик), как сказал один мой знако-

мый, «бьёт прямо в грудь», она обеспечивает 90% успеха любой группы, выступает эта группа на «Уэмбли» или в дешёвом кабаке. Каждый, кто хотя бы раз присутствовал на живом концерте, поймёт, о чём речь.

Это тоже, наверное, можно объяснить научно. Можно порассуждать о воздействии низких частот на психику. Но скорее, тут речь о некоем глубинном, подсознательном, племенном инстинкте, доставшемся каждому из нас от доисторических предков, которых звуки тамтамов собирали у первобытных костров.

На дискотеке или на стадионе барабаны и бас — мощнейший способ невербальной мобилизации масс, способ заставить сердца биться в одном ритме. Именно поэтому без уличных концертов уже лет 30 не обходится ни одна революция.

Американцы довольно быстро поняли, насколько это перспективная штука. После Вьетнама охватившая их общество депрессия вылилась в бесконечные уличные фестивали (вудстоки и пр.), каждый из которых можно было считать лабораторией по изучению поведения толпы. Оптимизм вернувшихся с победой бэби-бумеров тогда сменился депрессией и эскапизмом 60-х. Все их хиппи, металлисты, панки — проекция, эхо экономических кризисов и войны во Вьетнаме.

Важно: рок-музыка — это диктатура минорных тональностей. Весёлые послевоенные битловские облади-облада быстро утонут в нудных, как зубная боль, гитарных партиях Цепов, Перплов, Флойдов. Рок — это, как правило, тоска, недовольство, агрессия.

* * *

Теперь перенесёмся в поздний СССР. Вместо вьетнамского синдрома у русских — афганский. Но суть та же. Депрессия, разочарование, утрата веры в собственные силы

и в казавшееся ещё вчера светлым будущее. В первую очередь это касается главного революционного сословия — молодёжи. Власть не в состоянии предложить ей убедительную концепцию завтрашнего дня. Власть сама потеряла веру в себя. С этой точки зрения главная причина гибели СССР, конечно, разложение управленческой элиты, предательство элитой интересов народа, поражение элиты в войне мировоззрений. «Великое рок-н-рольное надувательство» (термин Ильи Кормильцева) — следствие такого поражения, а не его причина, конечно.

Придурочный хрущёвский лозунг «догнать и перегнать Америку» при последующих руководителях превратится в не менее идиотскую концепцию «социализма с человеческим лицом» или в абсурдный тезис о «конвергенции двух систем». Эта злосчастная конвергенция и научила советское общество сначала интересоваться, потом уважать, а в конце концов, и любить своего врага. То, что началось с повального увлечения Хэмингуэем (когда Лера Новодворская была ещё маленькой), увенчается концертом «Металлики» на руинах СССР осенью 1991-го.

Я внимательно изучал американскую массовую культуру. Никогда, ни на одном этапе Холодной Войны американцы не впадали в аналогичную очарованность. Русский (неважно, Толстой, Достоевский или какой-нибудь подзаборный Цой) в их массовой культуре — всегда источник опасности, всегда враг. Так было, есть и будет. Мы же шли по совершенно иному пути. Вспомните ковбоев из «Человека с Бульвара Капуцинов». Вспомните Пола Дика, американского журналиста из «ТАСС уполномочен заявить». Руководствуясь классовым подходом, мы искали и находили в Америке достойных людей, перестав в итоге обращать внимание на недостойных.

Вот почему все попытки советской пропаганды дать какой-то ответ влиянию западной культуры сводились в первую очередь к подражанию образцам западной культуры.

Стараясь отвлечь обывателя от боевиков и вестернов, в СССР снимали свои боевики и вестерны. Чтобы отвлечь от рок-музыки, налаживали выпуск одомашненной, стерильной рок-музыки. Вот откуда родом всевозможные «земляне», юрии антоновы и, кстати сказать, макаревичи. Партийные идеологи 80-х были не в состоянии предложить обществу что-то новое, своё, революционное. Что-то подобное Дунаевскому/Лебедеву-Кумачу образца 1937-го:

Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт,
Кто весел — тот смеётся,
Кто хочет — тот добьётся,
Кто ищет — тот всегда найдёт!

* * *

Таким образом, к началу 80-х и советская эстрада встала на путь культурной капитуляции. Это проявлялось во всём. Даже инструменты у гастролировавших по стране маститых эстрадных исполнителей были преимущественно импортными (хотя в СССР существовала целая индустрия по производству музыкальных инструментов и аппаратуры: гитар, синтезаторов, усилителей, — всё это погибнет в 90-е). Что уж говорить о самой музыке...

Надо заметить, изначально у советской эстрады (музыки для масс) были отличные оборонительные позиции. На эстраду работали замечательные композиторы, прекрасные поэты-песенники. Советская эстрада была сложна, многомерна, интеллектуальна. Оставаясь, в общем-то, низким жанром, она, тем не менее, тянула человека вверх. Лично мне нужно было пройти все этапы рок-н-ролльной деградации для того, чтобы начать ценить Александру Пахмутову. Дай ей Бог здоровья. Простите их и простите нас, Александра Николаевна!

Рок-музыка обошлась со всем этим многообразием так же, как уличный хулиган с интеллигентом-очкариком. Рок отменил любые тональности, кроме какого-нибудь дворцового ля-минора (помните — по возможности, никакого мажора!). Рок отменил любые (свойственные, кстати, и русскому шансону, и, конечно, советской песне) размеры, кроме 4/4. Рок на годы вперёд впаял нам в мозг американскую схему «куплет-припев-куплет».

Тут надо оговориться. Если для американцев этот процесс был в значительной степени закономерен и не противоречил их культурной традиции (сыграйте «Металлику» на банджо, получите кантри), то для русских наступление рок/поп-музыки означало полное разрушение культурного кода, уничтожение культурной самобытности. Группа «Чайф», помнится, возмущалась:

На хрена уральский парень занимается тай-чи?

А на хрена ты, Володя Бегунов, вцепился зубами в чужую, обслюнявленную губную гармошку? На хрена твои гитарные риффы звучат так, будто Рабинович напел тебе Джимми Пейджа по телефону? Ты вообще понимаешь, что для любого американца вся музыка группы «Чайф» — натуральный цирк-шапито? Как китайский панк примерно. Никогда, даже в страшном сне, американец не начнёт подражать русскому Ивану, играть на балалайке и ложках. А мы занимались и занимаемся именно этим до сих пор.

Весь «русский рок» — драпчик с чужого плеча. Начиная с 80-х наши вкусы, наши предпочтения стёрты и прописаны заново.

Это и есть то, что профессор Гарвардского университета Джозеф Най назвал как-то «мягкой силой» — soft power. Я встречался с Наем в его офисе, и мы подробно говорили о том, что это такое, как это работает. Най упивается своей правотой и известностью. Имеет право, наверное. Он верит в непоколебимость американского лидерства. Мне

запомнилась фраза: «Рок-музыка и кока-кола сделали для Америки больше, чем ядерное оружие». От «наевского» оружия больше всего пострадала, конечно, наша народная музыка. Но это отдельный разговор.

* * *

Итак, к 90-му году в СССР есть четыре центра рок-культуры — Москва, Ленинград, Свердловск, условная Сибирь. Каждый вносит свой уникальный вклад в разрушение страны. Ленинград — окно в Европу. То есть в первую очередь — канал проникновения фарцы.

Здесь интересно привести пример забытой уже иконы советского рок-движения Андрея Панова («Свинья», «Автоматические Удовлетворители»), родители которого, танцовщики Валерий и Лия Пановы (Шульман), много колесили по свету (в конечном счёте, осядут в Израиле). «Свинья», как и 99% деятелей рок-движения, не обладал никакими талантами, однако привилегированное положение родителей позволяло ему снабжать тусовку западными новинками и пользоваться в неформальской среде солидным авторитетом. Панов — показательный пример того, как бездарность становится знаменитостью, если быстрее других начинает барыжить подсмотренным за границей музлом, прикидом, стереотипами поведения. Поскольку в СССР не было Джонни Роттена и Сида Вишеза, Андрей Панов превращается в первого панка на деревне. И проблема даже не в том, что он мочится со сцены в зал или поёт о своём желании сдохнуть. Проблема в том, что до «Свиньи» это 150 раз сделали на Западе. «Свинья» безнадежно вторичен. Но посмотрите, с каким почётом этого человека провозжают на тот свет центральные каналы российского телевидения в 90-е!

Питерский рок-клуб — вообще очень тёмная история. Этот инкубатор для буйных дегенератов работал, как известно, под бдительным надзором госбезопасности. Чем